

ТАМ РУССКИЙ ДУХ?..

«Национальная идея» и российская образовательная политика

Мифы нового века

Году, кажется, в 1989-м я прочел в «Огоньке» интервью Эрнста Неизвестного. Известный (вопреки своей фамилии) скульптор высказал тогда мысль совсем не в духе времени, но, как позже выяснилось, очень глубокую (пересказываю по памяти): ни одно крупное общественное преобразование не может быть успешным без вдохновляющей идеи, политического мифа, способного увлечь массы народа; рыночная «экономика» и подобные ей лозунги перестройки в качестве такой идеи не пригодны, и, следовательно, очередная попытка российского обновления столкнется с большими трудностями. Потому пожелание успеха на этом пути было облечено в формулу: «Хорошего Вам мифа, господа!».

Как часто бывает в жизни, интуиция и прозрение художника опередили теоретические построения ученых. Лишь позднее, занявшись изучением революции как исторической ситуации, я понял, что одним из неизбежно присущих ей признаков является мифологизация массового сознания – стремительное разрушение мифов уходящего общества и столь же стремительное создание мифологии новой, прокладывающей дорогу обществу будущему, а иногда – позапрошлому. Тот факт, что в 1990-х гг. в России произошла именно революция, в последнее время все более признается официальной наукой и даже официальными властями, включая Президента.

Между прочим, в современной науке борются, как минимум, два взгляда на природу социально-политических мифов и их роль в обществе.

Сторонники первого подхода уверены, что социальные и политические мифы — явление безусловно вредное, а избавление от них — одна из главных задач науки и практики. Однако даже сверхрационалисты не могут отрицать, что почти все современные политические и социальные концепции – от гражданского общества и правового государства до коммунизма – возникали как утопические проекты, что социально-политические утопии не только не являются препятствием осуществлению политического проекта, но, напротив, представляют собой необходимые условия их частичного исполнения, причем речь идет об исторических проектах, грандиозных по масштабам.

Гораздо более убедительной выглядит логика сторонников второго подхода, в большинстве принадлежащих к психоаналитическому направлению. Так, известный психолог и философ К. Юнг различал два типа мышления (психических процессов). Первый тип — логическое мышление, которое направлено на приспособление к внешнему миру, выражено в слове и представляет собой инструмент и порождение культуры. Проявляется оно в науке, технике, индустрии. Второй тип — ненаправленное мышление (поток

образов, игра воображения), которое служит необходимым условием духовного творчества - искусства, мифологии, религии. Перекос в сторону первого типа мышления, по Юнгу, приводит лишь к тому, что люди становятся богатыми в познаниях, но бедными в мудрости. Второй тип мышления так же необходим, как и первый, но его функция — установление гармонии внутреннего мира человека, жизнь в согласии с самим собой. С этой точки зрения, демифологизация сознания не только не необходима, но, напротив, вредна. По Юнгу, цивилизация, утратившая своих богов и свои мифы, обречена, ибо миф придает смысл настоящему. Разрушение же мифа приводит к ощущению бессмысленности существования.

Действительно, потребность в ценностях, в вере (не обязательно — религиозной), «потребность смысла жизни», как известно, есть одна из фундаментальных потребностей человека. Человеческую психологию невозможно свести к ее рациональному началу. Ценности, а тем более вера, не могут быть целиком выведены из разума, не говоря уже о рассудке. Поэтому, где вера, там почти всегда и миф. Причем относится это не только к индивидуальной психологии, но и к психологии общественной.

Любая революция принадлежит к числу тех исторических ситуаций, когда прежние ценности (а вместе с ними и прежние мифы) разрушаются быстрее всего, а потребность в новых ценностях (и, следовательно, в новой мифологии) ощущается острее. При этом наиболее важной для нашей темы особенностью революционного мифотворчества является преобладание утопий и антиутопий в составе политических мифов.

Под утопией мы понимаем вид социально-политического мифа, изображающий в систематизированной форме идеальное общественное устройство, не реализуемое в принципе либо в данный исторический период. Один из отличительных признаков социально-политических утопий от прочих политических мифов состоит в том, что, по крайней мере, в переломные моменты истории они непосредственно побуждают людей к действию. Не случайно и весьма удачно сказано, что утопия — это предшественница проекта, а построение утопий — прапроектирование (Н.Г. Алексеев).

В новое и новейшее время каждая великая революция выдвигала и великую идею — относительную продуктивную утопию, воодушевлявшую сторонников на сверхчеловеческие упорство, терпение, усилия и поступки, которые поражали, восхищали и ужасали современников и потомков. Хотя непосредственные результаты революции, как правило, разочаровывали, со временем новая общественная система несколько приближала человечество к социальным идеалам, отраженным в утопии, которая многим не только дореволюционным, но и постреволюционным мыслителям представлялась абсолютной, не реализуемой ни при каких условиях.

В этом отношении новейшая российская революция 90-х гг. прошлого века явно проигрывает своим великим предшественницам. Пожелание Эрнста Неизвестного так и осталось нереализованным: «хорошего мифа», великой идеи, относительной продуктивной утопии, способной мобилизовать широкие слои народа, эта революция так и не создала.

Отсутствие у новейшей российской революции вдохновляющей идеи привело, между прочим, к глубокому кризису национального самосознания. Назову лишь один из его симптомов, едва ли не самый тревожный: согласно данным опроса 25 тысяч учащихся ПТУ, проведенного группой исследователей под руководством экс-министра образования Е.В. Ткаченко, причем «от Москвы до самых до окраин», почти 35 % опрошенных юных граждан России хотели бы родиться и жить в какой-нибудь другой стране и еще почти 22 % затруднились с ответом на этот вопрос. Как говорил мне экс-министр, предварительные результаты аналогичного опроса 50 тысяч молодых людей, включая на сей раз и старших школьников, от приведенных результатов качественно не отличаются. Уверен: для национальной безопасности страны и ее будущего эта угроза сопоставима с угрозой терроризма, а, быть может, и более страшна.

В конце 1990-х годов кризис национального самосознания вызвал тревогу части политической элиты, которая инициировала поиск «национальной идеи». После смены Президента на рубеже веков официальная «поисковая» кампания была прекращена, хотя острота проблемы, безусловно, сохранилась. Обратимся и мы к основным типам мировоззренческих ориентаций и политических мифов, имеющих значительное число сторонников в современной России.

1. Либерально-западническая ориентация (точнее, либерально-американистская, поскольку в рамках западной цивилизации различия между американской и европейскими культурами, а равно и между самими европейскими культурами, весьма существенны). Достоинства этой ориентации состоят в том, что именно в рамках либерализма первоначально разработаны такие ценности, ставшие общецивилизационными, как политическая свобода, плюрализм, права человека и т.п.

Однако в русле отечественного варианта той же идеологии был создан и активно распространялся разрушительный миф об ущербности России и русского народа. И хотя в разные времена этот миф имел разный исторический смысл и был представлен идеологами с совершенно различными гражданскими позициями (от П.Я. Чаадаева до Ю.Н. Афанасьева), тем не менее содержание мифа вряд ли позволяет породившей его либеральной идеологии претендовать на роль «национальной идеи». Если к тому же принять во внимание, что попытка реализации либеральной экономической модели в российских условиях 1990-х гг. привела страну к крупнейшей в мирное время социально-

экономической катастрофе, подобные претензии становятся и вовсе проблематичными.

Быть может, никто так точно и глубоко не вскрыл изъяны отечественного «западничества», как это сделал великий русский поэт и настоящий европеец Ф.И. Тютчев:

Напрасный труд –
Нет, их не вразумишь! –
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация для них – фетиш,
Но не доступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы!..

Непонимание самой «идеи цивилизации», т.е. направления ее развития, попытка воспроизвести ее отсталые формы вместо того, чтобы смотреть вперед, пренебрежение отечественной культурной традицией в широком смысле этого слова – вот те пороки отечественного псевдолиберализма, которые в современной России воспроизвели и постоянно воспроизводят не современный социальный капитализм («социальное рыночное хозяйство»), но дикарский капитализм позапрошлого века.

Стоит заметить, что в начале 1990-х годов в соответствии с логикой революционного «маятника» в России была предпринята попытка разрыва с духовно-нравственными традициями не только советской, но и досоветской российской культуры. В отличие от западной протестантской этики труда, индивидуализма и прагматизма, для этой культуры была характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям, в более современных терминах - на постматериальные ценности. Именно эта ориентация и была отвергнута как помеха внедрению рынка.

В действительности же содействовать цивилизованным рыночным отношениям могла бы, например, описанная М. Вебером протестантская этика с ее культом честного стяжательства. Однако «радикальные реформаторы» апеллировали не к ней, но к самым примитивным лозунгам типа «Деньги - единственная подлинная ценность». Ведущие политики и публицисты призывали с пониманием относиться к криминальному характеру стремительно возникавшего отечественного капитала, доказывая, что иного пути нет, а через 2-3 поколения капитал станет цивилизованным. Эта пропаганда в значительной мере обусловила тот факт, что новейшая российская революция (на фоне почти всеобщих призывов к «покаянию» и «катарсису») по отношению к праву и общечеловеческой морали оказалась криминальной.

2. Консервативно-почвенническая, «славянофильская» ориентация (для нашей темы различие почвенничества и славянофильства, которое проводил Ф.М. Достоевский, не является принципиальным). Такая ориентация нередко, но не всегда, бывает связана с православием, а иногда – с мифом об избранности русского народа, о «народе-богоносце». К ее достоинствам можно отнести стремление сохранить отечественную культурную традицию (тогда как либеральные западники вольно или невольно с ней порывают) и защитить государственные интересы России (без чего невозможно даже восстановление экономики). Слабыми же сторонами этой ориентации нередко выступают претензии на исключительность, на монопольное право представлять государственную идеологию (в том числе в форме государственной религии), а иногда – антимодернизаторские настроения и национализм.

3. Мистически-восточная ориентация: различные варианты буддизма и дзэн-буддизма, эзотеризма, разного рода синкретические верования. Несмотря на то, что именно в контексте восточных культур (особенно индийской и тибетской) накоплен чрезвычайно богатый опыт психофизиологической саморегуляции, – опыт, элементы которого могли бы принести пользу современному человеку вне зависимости от его культурной принадлежности; несмотря на то, что эта ориентация является преобладающей у ряда народов России (калмыки, буряты, тувинцы) и имеет определенные предпосылки в отечественной культурной традиции (Е.П. Блаватская, Н.К. и Е.И. Рерихи); несмотря на то, что некоторыми сторонниками этой ориентации выдвинут миф о предназначении России быть родиной нового или синтетического философски-религиозного мировоззрения; несмотря даже на то, что восточные верования в причудливом сочетании с другими весьма широко распространились в массовом сознании современной кризисной России, а буддизм стал модой среди значительной части творческой интеллигенции; – несмотря на все это, шансы восточной мировоззренческой ориентации стать основой российской «национальной идеи» на порядок ниже шансов предыдущих ориентаций, если просто не близки к нулю.

Почти невозможно представить себе, что большинство граждан России даже в условиях глубочайшего системного кризиса и разрушения норм и ценностей примут решение изменить веками складывавшуюся культурную традицию. И уж совсем нереальной выглядит ситуация, когда бы такое решение было одобрено российской политической и идеологической элитой.

4. Социалистически-коммунистическая ориентация, в рамках которой «советским марксизмом» был разработан политический миф о предназначении России стать провозвестницей новой общественной формации – моделью будущего для всего человечества.

Думаю, претензию марксизма как главного выражения этой ориентации на создание строго научной теории общественного развития удалось

осуществить лишь частично – в плане исторического и социологического познания - с учетом ограниченности его возможностей в XIX в. Что же касается глобального социально-политического прогноза, то под именем научного социализма последователи К. Маркса, подобно некоторым их предшественникам, пропагандировали великую продуктивную относительную утопию.

Доказательством относительной утопичности марксистской футурологии может служить сама социальная реальность, которая, во-первых, в советскую эпоху принципиально разошлась с теорией, а, во-вторых, в эпоху постсоветскую вторично показала проблематичность реализации марксистского социального идеала в современных исторических условиях.

В пользу исторической продуктивности марксистской футурологической утопии говорят следующие обстоятельства:

- сокращение разрыва в уровне цивилизации между индустриально развитыми странами и государствами «реального социализма», как правило, более высокие темпы экономического развития в «социалистическую эпоху» по отношению к досоциалистической и постсоциалистической;

- безусловно положительное влияние социалистического движения на наиболее передовые в индустриальном отношении страны с точки зрения развития в них экономического регулирования, социальных гарантий, ограничения социального неравенства, повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения и т.п.;

- прочно утвердившееся в научных кругах и международных организациях (Римский клуб, Конференции ООН) представление, согласно которому модель «потребительского общества» не может быть реализована в масштабах человечества в целом, совпадение по многим позициям футурологических прогнозов сторонников как постиндустриализма, так и концепции «альтернативной цивилизации» с дружно отвергнутыми в России марксистскими прогнозами.

Несмотря на серьезные аргументы в пользу относительности и продуктивности социалистически-коммунистической утопии, несмотря на то, что число людей, голосующих за коммунистические организации, достигает в стране трети и более, а во многих регионах коммунисты вместе с союзниками добились законодательной либо исполнительной власти, эта идейно-политическая ориентация в «чистом» виде вряд ли способна стать российской «национальной идеей». Главная тому причина – закономерности революции как исторической ситуации и, в частности, - революционное отрицание, которое не позволяет вернуться к прежней системе или идеологии как таковой. Не случайно многие избиратели, настроенные значительно левее лидеров современной КПРФ, не голосуют за коммунистов из-за стойкого неприятия наименования партии.

В российских культурно-политических условиях все эти ориентации представлены не в чистом, но в синкретическом (смешанном) виде, причем на уровне не только массовой психологии, так и политических идеологий. Так, вопреки распространенному мнению, большинство граждан России не могут быть отнесены к православным в строгом смысле этого слова. Хотя, согласно некоторым опросам, таковыми признают себя свыше 50 % всего населения, более глубокие исследования показывают, что преобладающей религиозно-философской ориентацией является именно синкретизм. Наряду с элементами православия, массовое сознание граждан страны представляет собой причудливую смесь верований и суеверий (экстрасенсы, инопланетяне, астрология, реинкарнация, фрагменты энергоинформационных концепций и т.п.), которые, со строго православной точки зрения, представляют собой ересь и подвергаются критике официальными идеологами русской православной церкви.

Аналогичным образом формируются идеологии большинства политических движений. Так, известное ироническое замечание о том, что в интерпретации современной КПРФ исторический материализм стал национальным по форме и православным по содержанию, не лишено смысла: в работах идеологов этого направления действительно наблюдается попытка синтеза немногочисленных положений «советского марксизма» с социал-демократической и национально-государственной идеологией. В свою очередь, политические течения, относящие себя к либералам («Союз Правых Сил» и правая часть «Яблока»), явно дрейфуют в направлении европейских «новых правых». Они все более сочетают неоконсервативные рецепты в экономике с отказом от принципов народовластия в политике, провозглашение которых в свое время позволило им временно «приватизировать» право именоваться демократами. Например, поддержка закона, запрещающего проведение в стране референдумов в течение полутора лет из каждых четырех, совместима с либерально-демократическими ценностями не более, чем инквизиция с чернокнижием.

Однако наибольший практический интерес представляет идеология «партии власти». Разумеется, не в лице «Единой России», сформированной сверху и не имеющей собственных ясно очерченных политических представлений, но в лице Администрации Президента и отчасти Правительства, сформировавших «Единую Россию» и разработавших для нее идеологию. Если судить не по декларациям, но по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере.

Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с политико-образовательной точки зрения. Крайне противоречиво, ибо в

православной традиции, пронизавшей отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные (постматериальные) ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм ориентирован на формирование не только «дикого» капитализма, но и модели личности в духе «одинокого волка». Не случайно даже в праволиберальном «Московском комсомольце» студенты еще более праволиберальной Высшей школы экономики именовались не иначе, как «молодые людоеды»!

Переплетение «трех составных частей» новой социальной идеологии способно принести вред образованию, как минимум, по следующим причинам:

- в российских условиях радикально-либеральный (правоконсервативный) экономический курс связан, с одной стороны, с экономией бюджетных инвестиций в развитие человека, а с другой - с отменой налоговых льгот для некоммерческих организаций, деятельность которых в большинстве случаев направлена на поддержку образования, культуры, науки и различных общественных инициатив;

- нарастание отечественного авторитаризма с его главным принципом «позволено все, кроме нелояльной политики» трудно совместимо с формированием гражданина в гражданском обществе;

- деформируется сама система православных ценностей и ее возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен «массовой культуры», позволяющий ей «грешить и каяться» - сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с легкостью нарушая все 10 заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике» и политической жизни.

Духовно-ориентированная цивилизация

Приходится констатировать, что в России, с одной стороны, политические элиты и широкие слои народа достаточно остро ощущают необходимость объединяющей «национальной идеи», а с другой – существующие культурные, политические и мировоззренческие ориентации, скорее, разъединяют, чем объединяют нацию. И хотя очевидно, что в условиях постреволюционных руин и конфликтов зона гражданского согласия может быть лишь весьма узкой, тем не менее не лишен смысла поиск такой культурной ориентации, которая, не устраняя противоречий по другим вопросам, могла быть принята хотя бы относительным большинством идеологически активного меньшинства, а также следующими в фарватере этого относительного большинства общественными группами.

Думаю, как минимум, наравне с другими заслуживает обсуждения следующая гипотеза: в современных условиях роль относительной

продуктивной утопии мог бы сыграть миф о российской духовности и постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации.

Под духовностью в данном случае понимается не определенный тип религиозного мировосприятия (духовность может быть как религиозной, так и безрелигиозной, в т.ч. атеистической) и не абстрактное представление о «духе народа». Духовность – это исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные (человеческие, «постматериальные») ценности занимают высокое (или даже ведущее) место в ценностной иерархии общества и человека. Именно такой тип ориентации был характерен для российской культуры, по меньшей мере, в XIX-XX вв., причем как в досоветский, так и в советский периоды, для деятелей культуры разных политических направлений и религиозных верований.

Основные аргументы в пользу того, что представление о постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могло бы стать новой «национальной идеей» (или, по крайней мере, ее «несущей конструкцией»), сводятся к следующему.

Во-первых, плюралистический характер идеи, ее приемлемость для широкого круга организаций и общественных групп. С идеей постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации могут согласиться представители всех основных конфессий, религиозно индифферентные группы населения и атеисты. Программы и выступления лидеров большей половины политических движений и организаций убеждают в том, что эта идея в различных истолкованиях вполне может стать ограниченным полем относительного согласия между ними. И, наконец, крушение мифа о быстром создании «потребительского общества» в России, перенасыщение информационных каналов пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, не говоря уже о грубом насилии и сексе, лишенном Эроса, создают сравнительно благоприятные условия для того, чтобы «маятник» качнулся в противоположную сторону – к духовным, человеческим ценностям.

Во-вторых, соответствие идеи постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации не только традициям отечественной культуры, но и перспективам развития человечества в целом. Еще в середине XX в. появились явные признаки того, что современная модель цивилизации себя исчерпала или близка к исчерпанию. Не случайно уже первые доклады Римскому клубу произвели впечатление разорвавшейся бомбы на фоне радужных прогнозов приверженцев «технологического оптимизма». Вывод о необходимости смены парадигмы цивилизационного развития подтвердила конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

Иначе говоря, современная цивилизация поставлена (или в обозримой перспективе будет поставлена) перед альтернативой: либо изменение вектора

развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до самоуничтожения. Впрочем, возможность подобного финала развития индустриальной цивилизации задолго до ученых предсказал поэт, быть может, самый философичный в российской литературе XIX века – Е. Баратынский:

Сначала мир явил мне дивный сад;
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Все на земле движением дышало,
Все на земле как будто ликовало.
Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода,
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный мир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

.....

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;

С людьми для них исчезло пропитанье;
Мне слышалось их гладное бляенье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня возшло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.
Один туман над ней, синяя, вился
И жертвою очистительной дымился.

В условиях нарастающей угрозы планетарной экологической катастрофы идея постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации выглядит уже не просто как продуктивная относительная утопия, но через несколько десятилетий может стать «категорическим императивом».

Национальная (государственная) доктрина образования

Формой официального признания «национальной идеи», способом ее превращения в национальную стратегию могла бы стать переработанная и оформленная в виде закона «Национальная доктрина образования в Российской Федерации». Переработанная – ибо утвержденный Постановлением Правительства № 751 от 04.10.2000г. текст Доктрины в части финансирования образования, социальных гарантий для тех, кто учится и учит, а также в части провозглашаемых ценностей, «секвестрирован» до неузнаваемости даже по сравнению с тем проектом, который был одобрен Всероссийским совещанием работников образования в январе 2000 года. Оформленная в виде федерального закона – ибо в настоящее время существует юридическая нелепость, когда Доктрина, призванная определить стратегию развития образования на долгосрочную перспективу, утверждена Постановлением Правительства, в то время как Федеральная программа развития образования, т.е. программа реализации этой стратегии до 2005 г., утверждена Федеральным законом.

Координация национальной доктрины образования и «национальной идеи» должна быть двусторонней: не только доктрина - под «идею», но и «идея» - под доктрину. Если, например, в качестве государственной стратегии под любым наименованием избирается идея либерального капитализма (хотя либеральный капитализм в развитых странах давно превратился в социальный), доктрина должна быть ориентирована главным образом на обслуживание рынка труда и на подготовку экономической и политической элиты из представителей

истеблишмента. Если же в качестве национальной стратегии будет избран переход в перспективе к постиндустриальной, духовно ориентированной цивилизации («альтернативной цивилизации»), образование необходимо рассматривать, прежде всего, в качестве средства развития личности и самостоятельной ценности. При этом социальная эффективность вложений в образование должна получить приоритет по сравнению с эффективностью экономической.

Что касается корректировки государственной политики под национальную доктрину образования, то некоторыми из ее направлений могли бы стать:

- поддержка отечественного товарного производства и прежде всего высокотехнологичных его отраслей. - Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и модернизацию страны;

- стимулирование развития таких форм собственности и организации труда, которые обеспечивают участие работника в распределении полученного дохода и управлении производством (одна из возможных моделей была предложена С.Н. Федоровым в известном Федеральном законе «Об акционерных обществах работников (народных предприятиях)»). – Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в т.ч. гражданского;

- формирование системы налогообложения, направленной одновременно на стимулирование производства и ограничение социального неравенства, которое превзошло критические для национальной безопасности страны показатели. При этом доходы от «ноу-хау» должны облагаться иначе, чем доходы от операций, связанных с добычей и вывозом сырья, а доходы, использованные гражданами на собственное образование и культурное развитие, в отличие от затрат на престижное потребление, – в определенных пределах не должны облагаться вообще. – Все это имеет не только экономическое значение, стимулируя капиталовложения в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала», но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно отдает приоритет);

- регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человека (образование, медицина, наука, культура и т.п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. – Это не только остановит отток квалифицированных кадров из бюджетной сферы, но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

- осуществление на деле принципа: коммерческому искусству – коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и

классическому искусству – низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство;

- прямое законодательное предписание государственным и муниципальным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, – предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех СМИ в части трансляции ими образовательных программ;

- государственно-общественный характер управления государственными и муниципальными СМИ. При этом создаваемые при них наблюдательные советы, в состав которых должны будут войти видные деятели культуры, философы, социологи, психологи, педагоги, должны обеспечивать не столько представление в эфире различных политических взглядов, но прежде всего направленность «четвертой власти» на просвещение и развитие личности, на повышение престижа образования и культуры.

Только принципиальная корректировка всей государственной политики с учетом ее образовательных последствий способна превратить российское общество в среду, формирующую духовность. Только она способна помочь стране не превратиться в «ухудшенную Америку», по выражению одного американского знакомого, но сохранить отечественную культурную традицию, говоря словами А.С. Пушкина, «русский дух», соединив ее с новейшими технологиями. Одновременно такая корректировка – это необходимое условие превращения в отдаленной перспективе постиндустриальной, духовно ориентированной российской цивилизации в качестве возможной «национальной идеи» в интернациональную реальность совместно с другими народами планеты.

Опубликовано в сборнике «Складчина-4». Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2004.- С. 443-457.